

Дмитрий КРАСЬКО

ИСЧЕЗНУВШИЙ

TAXI

TAXI

Дмитрий Красько

Исчезнувший

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6356365

Аннотация

У Мешковского пропадает друг и коллега по прозвищу Четыре Глаза. Сходил в ночной клуб «Колизей», повздорил с охранниками – и пропал. Встревоженный Мешковский начинает поиски, но «Колизей» внезапно сгорает. Дотла. Казалось бы, ниточка оборвалась, но тут Мешковского похищают бандиты и пытаются внушить ему, что это он со своим пропавшим другом устроил пожар в ночном клубе. И тому ничего не остается, как удрать по-английски и постараться выяснить, что происходит, кому и зачем понадобилось вешать на таксистов заведомо неоплатный долг. Ну, и заодно попытаться разыскать друга.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дмитрий Красько

Исчезнувший

Глава 1

На дворе царили зима, ночь и жуткий минус в смысле градуса. А я торчал в салоне «Волги», не имея даже призрачного шанса оказаться в ближайšie несколько часов в своей теплой постели. Причина банальна – нужда и бессердечное начальство требовали моего присутствия на ночных улицах. Цель – транспортировка пассажиров из пункта А в пункт В. Ну, или еще куда. По желанию.

Впрочем, в машине было тепло – ни двигатель, ни печку я не выключал, даже мысли такой не имел. Во-первых, было жалко себя, который при таком поступке рисковал мгновенно, как мамонт, вымерзнуть. А во-вторых, потому что при таких холодах вообще не рекомендовалось ничего выключать, ибо потом хрен заведешь.

Тихо мурлыкало радио. Ему было плевать, что за окном потрескивали недобрых минус сорок. А мне было плевать, что ему плевать. Я был занят важным делом – ожидал прибытия поезда на три сорок. Собственно, на сам поезд тоже было плевать – куда больше меня занимали люди, которых он собирался высадить в нашем городе. Потому что у этих

людей будут только два варианта – либо остаться на вокзале, ожидая, пока начнут ходить автобусы и трамваи, либо нанять такси. Топать пешком по заснеженным ночным улицам, да еще при минус сорока вряд ли кто из них захочет. На такое способен только Федор Конюхов, когда ему очередной спонсор подгонит очередную пару лаж да баночку консервированной фасоли. Только Федор, насколько я знал из выпусков новостей по радио, в данный момент героически топал к Южному полюсу и, кажется, одну лыжу уже сломал. Так что с этой стороны я был застрахован – из остальных пассажиров поезда на три сорок никто не отважится на подобный героизм, как пить дать. Значит, кому-то из них понадобятся мои услуги.

Рядом, на стоянке такси, коротали время еще четверо таких же бедолаг, как я. Конечно, можно было собраться всем в одной машине на предмет скоротать время за игрой в дурака, однако ночь и дремотное состояние убивали всякое желание сделать это. К тому же среди них не было никого из нашего третьего таксопарка. В любое другое время можно было бы вылезти и поскандалить на предмет того, что они вперлись не на свое место, поскольку железнодорожный вокзал по негласной традиции считался нашей, третьего таксомоторного, вотчиной, но не сейчас. И дело не в холоде – хороший хипеш как раз таки неплохо разогревает. Просто при таком смешном количестве извозчиков клиентов хватит на всех. Да и потом – проводить время за карточными играми

в незнакомой компании не в моих правилах. Не потому, что общение с незнакомцами оскорбляло мою патрицианскую сущность, просто общение общению – рознь. К примеру, играть с такими в карты, на мой взгляд – непростительная глупость. Как говаривал один знакомый шулер – нас, шулеров, так сразу не узнаешь. Мы крап не на лоб себе наносим, а на «рубашку». Собственно, это и стало главной причиной того, что я воздержался от соблазна скоротать время за партейкой-другой. Прошу заметить – без особого труда воздержался. Карты – это вообще не моя стихия. Там думать надо.

Кроме радио, brutally оравшего, что оно забирает свой портвейн и покидает даму сердца, ничто не смущало мой слух. Вокзальный диктор молчал, тем самым прозрачно намекая, что сбоек в движении поездов не предвидится. Сей факт радовал – не хотелось бы зря проторчать под зданием железнодорожного вокзала черт знает сколько времени. Оно, конечно, с точки зрения архитектуры и исторической ценности очень красивое и все такое, только мне в рабочее время – а сейчас у меня, натурально, было рабочее время, ибо таксист – как правило, не до эстетических изысков.

Можно было, конечно, плюнуть на все и рвануть к какому-нибудь ночному клубу. Аккурат в это время там заканчивалась программа, и народ начинал расползаться. Но я хорошо знал тамошнюю публику – пьяные деловые, приблатненные и авторитетные, да их хипешные то ли шлюхи, то ли жены. Нет уж, увольте. Сегодня меня такие клиенты не

привлекали. У этой публики было только одно несомненное преимущество – она частенько расплачивалась либо с пьяной щедростью, либо с пьяной глупостью. Но этот плюс легко перекрывался огромным минусом – с тем же успехом они могли устроить разборки в моем такси, возможно – с моим же участием. А я по случаю ночи и холодов был, что поменявший кожу рак – конечности плохо слушались, голова туго соображала. Ну, и так далее – симптомы можно перечислять долго. До самого прибытия вождеденного поезда.

За пределами стоянки покрывались инеем еще с десятков машин – частники. Некоторые из них даже выбрались наружу и теперь активно практиковали прыжки в высоту – опять же, борясь с недетским морозом. Для чего им понадобилось демонстрировать свою прекрасную физическую форму, когда до прихода поезда оставалось еще минут сорок – только они сами и знали. Скорее всего, простое честолюбие и желание повыпендриваться друг перед другом.

Частники вообще проявляли куда большую активность, чем мы, таксеры в законе. Всеми силами старались вытащить у нас изо рта честный кусок хлеба, причем, чем больше, тем лучше. Но и с ними скандалить никто не собирался. Лет пять назад, когда они только начали плодиться, что грибы после дождя, кое-кто из наших провел с ними пару бесед, но как-то лениво, перекатывая бычок из одного угла рта в другой. Беседы были не сказать, чтобы агрессивными, и скорее преследовали своей целью объяснить, что на стоянке такси могут

обретаться только машинки, помеченные черными шашечками в два ряда. Частники оказались людьми понятливыми, стали держаться от стоянок подальше, но исчезать, как класс, ясное дело, даже не подумали. Как-никак, пришел махровый капитализм со сплошной конкуренцией, так что они были в своем праве. Честным же таксерам оставалось только терпеть. Без надежды, простите, перетерпеть. А раз такой надежды не существовало, то самое разумное из оставшегося было – плюнуть и растереть. Что большинство из нас и проделали. Я в том числе.

Долгое ожидание, гудение печки и теплота в салоне разморили меня. Я не заметил, как закрыл сперва один глаз, потом второй, а потом и вовсе задремал.

Ненадолго, впрочем. Даже сна никакого посмотреть не успел – по крыше отчаянно заколотили, и пришлось проснуться. Приоткрыв форточку, высунул голову наружу, мечтая обложить подонка матерными словами по самое «не хочу». Потому что доподлинно знал, что это не клиент – диктор тоже не торопился просыпаться, чтобы объявить о прибытии нужного состава. Предположить же появление случайного клиента в начале четвертого ночи в сорокаградусный мороз в районе железнодорожного вокзала мог либо неисправимый оптимист, либо неизлечимо больной человек. Я себя к таковым не причислял. А потому логически вывел, что гражданин, колотивший по крыше машины и нарушающий мой сон, прибыли никакой принести не может, а вот

разбудить уже разбудил.

Но по другую сторону калитки стоял всего лишь Валерка Четыре Глаза – самый скромный и тихий парень в нашем третьем таксопарке.

Я удивился. Потому что скромным и тихим парням по определению не положено шарахаться в такое время по такому морозу, да еще и в таком виде. Фигура коллеги была крайне растрепанна и боса на голову. Окуляры, источник его прозвища, сбились на сторону, и каким образом он их не потерял – для меня осталось загадкой.

– Четыре Глаза, чтоб я так никогда не жил! – сердито удивился я. – Ты почему здесь в такое время? И в таком веселом виде? Мне завидно.

– Бл-холодно, Мишок! – сообщил он.

Я понял намек. Я не такой тупой, каким отражаюсь в зеркале. Открыл запор на передней пассажирской двери, и Четыре Глаза, трусой обежав машину, забрался в салон. И сразу принялся яростно натирать уши ладонями.

– Замерз? – посочувствовал я. – А потому что нехрен по такому минусу в одном неглиже носиться.

– В чем? – он мельком глянул на меня, не перестав тереть уши.

– В неглиже, – объяснил я. – Это состояние полной раздетости.

Четыре Глаза, вообще, был умный мужик и не мог не знать, что есть «неглиже», так что можно было не объяснять

значение этого слова. Но, когда трешь уши с таким остервенением, сложно уловить, что тебе говорит собеседник. Он и не уловил. А я не удержался от подначки. Такой вот я нехороший человек. Даже в отношении своих друзей. Мало меня в детстве пороли. Хотя, казалось бы, куда больше? Все время жопа синяя была.

– Я в куртке, – подумав, сказал Четыре Глаза.

– Ага, – я не стал спорить. – Теперь еще и в машине. Это тебя не оправдывает. И вообще, я твою голову имел в виду. Дети у тебя уже есть, так что теперь она твой главный орган. А прогулки по сорокаградусному морозу без головного убора обычно менингитом заканчиваются. Я тебе как доктор доктору говорю. В общем, рассказывай свою страшную сказку.

Но Четыре Глаза молчал. Яростно продолжал тереть уши – и молчал. Не думаю, чтобы опять не услышал меня. Скорее – просто собирался с мыслями. Поэтому я не торопился. Закурил сигарету и ждал, пуская дым кольцами. И минуты через две он начал колотиться.

– Я, Мишок, сегодня в «Колизее» отдыхал.

Сказано было таким тоном, что я слегка подрастерялся. Было непонятно, как следует реагировать на это признание. То ли хлопнуть коллегу по плечу и восхищенно заорать: «Браво, Валерка! Ну, ты, брат, даешь!». То ли презрительно сплюнуть в его сторону и обронить через губу нечто вроде следующего: «Да как ты мог, хуцпан позорный, в такое место

зарулить? Ты же весь наш таксопарк позором покрыл!». Хотя – что может быть хорошего или плохого в том, что человек сходил в «Колизей»? Нормальный ночной клуб с полным набором радостей жизни – ресторан, бар, казино, бильярдная. Для простых работяг типа меня или Четырехглазого, конечно, дороговато, но раз в полгода и мы могли себе позволить такую роскошь. Правда, Четыре Глаза – человек до неприличия семейный, так что ему подобное удовольствие по всем законам логики должно перепадать реже. Но он ведь тоже человек, да?!

– С Любовой отдыхал? – уточнил я.

– Нет, – насупился он. – Я Любаву с пацанами на две недели к теще отправил.

– Ясно. Решил себе холостяцкую вечеринку устроить?

– Что-то вроде того, – он еще больше насупился. Словно я уже начал вершить над ним товарищеский суд с непременным вынесением порицания за аморалку. А ведь я и в мыслях ничего подобного не держал, вполне понимая его со своей мужской колокольни. Очень впечатлительный молодой человек – Валерка Четыре Глаза. Наверное, даже пеленки во младенчестве пачкать стеснялся. Но ведь пачкал, да? Жизнь – она такая. – Что я – не могу, что ли, от семьи отдохнуть? Имею право.

– Конечно, – я поспешил успокоить его. – Безусловно. Я даже больше скажу – всенепременно. Ты только давай, ближе к телу, а то я до конца истории не доживу. Что с тобой там

приключилось?

– Я, Мишок, никого не трогал, – зачем-то сразу предупредил он. – Я не буюнил даже. Я вообще трезвый был – всего сто граммов принять успел.

Ну да. Знаю я, как он умеет сто граммов принимать. Организм у него к переработке алкоголя не приспособлен, вот что. Ферментов нужных не вырабатывает. Так что порой ему и ста граммов за глаза хватает. Но то, что буйным при этом он никогда не бывал – факт. Не тот склад характера. Поэтому я на всякий случай кивнул, давая понять, что верю ему и он может продолжать.

– Я, Мишок, девицу там подклеил. Ну, высший класс – все при ней. А что – смотрю, сидит, скучает. Пригласил потанцевать. Потом еще раз. Потом в третий раз пригласил, а тут меня местная охрана схватила, в угол зажала и полную запазуху напихала. Ур-роды! – он огорченно шмыгнул носом. – А главное, Мишок – они у меня бумажник забрали. А там деньги и документы. Куда я без документов? Меня ведь теперь никто и на линию не выпустит.

– Плохо, – посочувствовал я. – А что та шикса?

– А я откуда знаю? Пока это бычье меня буцкало, она куда-то испарилась.

– Так может, она не при чем? Может, ты там между делом стулья ломал? Клиентам в тарелки плевал? А может, танец живота сбачать попытался, а людям техника исполнения не понравилась?

– Да говорю же – трезвый я был! Еще эти козлы мне все время приговаривали – не лезь, козел, в чужой огород, типа, девушка занята и все такое. Короче, Мишок, вломили мне однозначно за нее. Да хрен с ней! Вломили – и вломили. Что, в первый раз, что ли? А вот как мне без документов быть?

– Дело твое – труба, – сообщил я, хотя, подозреваю, он и сам догадывался об этом. – Надо ехать, твои документы вытаскивать.

– Вдвоем? – Четыре Глаза с тревогой посмотрел на меня. И я прекрасно понял его состояние. Он, в конце концов, не был идеальной машиной для убийства, а был простой книгочей и буквоед. Иными словами, если мы поедем за документами вдвоем, это будет равносильно тому, как если бы я поехал туда один. Хотя я тоже далеко не идеальная машина для убийства. Но у меня и в армии специализация серьезная была, да и после я не давал себе расслабиться. Вернее, это жизнь все время подсовывала мне какие-нибудь забавные хипеши, держа в постоянном тонусе. Короче, исходя из этого, так можно сказать, что по сравнению с Четырехглазым я таки был Идеальной Машиной. Ну, почти. Однако я себя с ним не сравнивал. Я свои шансы оценивал трезво – особенно когда был трезв. Поэтому сказал:

– Мне нравится ход твоих мыслей. Ты, пока сюда бежал, никого из наших не видел?

– Если бы видел, я бы пешком не бежал, – он грустно мотнул головой. – Только Рамс у «Колизея» торчал, но я к нему

подходить не стал.

– Правильно, – кивнул я. – С ним на разборку ездить – только несварение желудка зарабатывать. Опять будет по-грузински ругаться, а потом ему дадут по голове или в третий раз челюсть сломают. Придется ехать вдвоем.

Мне не очень улыбалась такая перспектива. Четыре Глаза, судя по всему, тоже был от нее не в восторге. И он предложил:

– Слушай, Мишок, это глупо. Может, поищем кого-нибудь?

– Ты простудился, Четыре Глаза. Где мы сейчас кого-нибудь найдем? Половина наших в такую погоду вообще по любовницам разъехалась. Лежат сейчас в теплых постельках, кости греют. А другая половина кофе лошадиными дозами хлещет в каких-нибудь тошниловках, где их сам Макарец днем с огнем не найдет. А за остальными – что, по всему городу гоняться?

– Ы-ых! – вздохнул Четыре Глаза. – И что делать?

Хороший вопрос. На него еще, помнится, Чернышевский пытался ответить. Помер, а ответа так и не нашел. Я помирать пока не собирался, тем более, что я был далеко не Чернышевский. Я был совсем даже Мешковский. Поэтому хлопнул ладошкой по баранке и повторил:

– Ехать вдвоем.

– Но это глупо, – Четырехглазый тоже не стал искать новых вариантов.

– Задолбал! – разозлился я. – Тогда живи без ксивы. Я тебя что – как девочку уламливать должен, натурально?

– Да ладно тебе, Мишок, – струсил он. – Вдвоем – так вдвоем.

И чего, спрашивается, ломался? Как будто это ему там придется с нехорошими шлимазлами терки тереть!

Езды от вокзала до «Колизея» по безлюдным улицам было всего ничего – минут пять неполных. Будь клуб подальше, и Четыре Глаза себе точно чего-нибудь, да отморозил бы.

Я остановился напротив и осмотрел здание. Для определения нашлось только одно слово – типичное. Трехэтажное, в одних сплошных огромных окнах. Окна, правда, были задернуты плотными темными шторами, прятавшими свет и, возможно, слегка глушившими доносящийся изнутри грохот музыки и прочие шумы буйствующей публики (хотя в звукоизоляционных свойствах штор я сильно сомневался). Зато снаружи фасад был весь в светящихся гирляндах и весело подрагивал от происходящего внутри. С учетом того, что снег множил сияние, смотреть было не то, чтобы больно, но слепило изрядно.

На стоянке перед «Колизеем» все было забито машинами. Веселье близилось к финалу, но только близилось. Может, кто-то уже и отправился по домам, но основная масса только привыкала к этой мысли. Так что выискивать на парковке свободное место с целью втиснуть туда такси я даже не стал – лишняя трата времени. Да и, случись что, ноги будет де-

лать неудобственно. Пока преодолеешь все эти виражи-повороты, тебя десять раз догонят и лобовуху выбьют. А может, чего и посерьезнее.

Поэтому я посмотрел на Четыре Глаза и сказал:

– Ну что, друг? Беги, вызывай своих обидчиков.

– Я?! – он округлил глаза.

– Нет, блин! Дедушку Мороза кликнем!

– Мишок, я того... Не по себе мне как-то...

– Не по тебе ему, – проворчал я. – Как в хипеши влипать – так в самый раз, а тут застеснялся. Беги, потому что кроме тебя некому. Я там никого не знаю. Да и не пустят в таком виде.

Четыре Глаза осмотрел меня с ног до головы и вынужден был согласиться. А куда деваться, если одет я был и в самом деле не очень презентабельно – потертый, домашней вязки свитер, хоть и теплый, но с вытянувшимися до безобразия локтями, на ногах – кеды образца того года, когда наши в первый раз на Олимпиаде выступали. Они, кстати, казались единственной более-менее приличной вещью в моем нынешнем гардеробе, однако даже их я эксплуатировал далеко не первый год. Короче, в таком виде я бы за своего в психлечебнице сошел, или на тусовке бомжей, но никак не в ночном клубе. И Четыре Глаза тяжело вздохнул.

– Да. Тебя туда не пустят. – Потом подумал и добавил: – Давай полтинник.

– Какие дела?! – Я вытаращился на него. – Что я еще могу

для тебя сделать? Трусы на портянки порвать?

– Я портянок не ношу! – огрызнулся коллега. – А там вход платный.

В этом смысле он был прав, а потому я достал прямо из кормушки деньги и протянул ему:

– Держи. И не хипешуй там. Просто выведи их на улицу – разбираться здесь будем.

Он кивнул и выбрался из машины. Я проводил его взглядом – признаться, тяжеловатым – и занялся приготовлениями к разборкам. Что, впрочем, много времени не отняло – просто вынул из-под сиденья монтировку и засунул ее в рукав свитера. Типа, замаскировал. После чего тоже покинул салон и попытался заценить обстановку.

Заценять было особенно нечего. По случаю предупредительного часа вокруг царили тишь да гладь. Все, как у Лондона – который не столица Англии, а Джек. Белое безмолвие (наглядное пособие). Только дискотека на третьем этаже «Коллизея» глухо бухала, но это не в счет. Единственным, кроме меня, человеком во всем этом белом безмолвии оказался легко одетый парнишка лет двадцати с небольшим, торчавший у входа в клуб. Он курил сигарету, но зачем – ума не приложу. Спорю, что вкус к жизни у парня отморозился в тот самый момент, когда он поимел неосторожность покинуть здание. Поэтому теперь даже не пытался согреть себя прыжками да ужимками, решив, что без разницы, как замерзать – стоя или на лету. Просто стоял, нахохлившись, и

изредка пускал струю дыма. Причем, клянусь, промежутки между выдохами с каждым разом становились все продолжительнее. Состояние паренька было мне близко и понятно – я и сам успел прийти к выводу, что не доживу до возвращения Четыре Глаза, околею к чертовой матери. Не понимал другого – какого рожна ему приспичило курить на улице? Тем более с одежде, сезону явно не соответствующей? Насколько мне было известно, никто не воспрещал делать дымить внутри здания. Видимо, работник клуба – может, администратор, а может, еще какой гардеробщик. Весь в заботах о здоровье клиентов.

Однако до возвращения Четырехглазого я таки дожил. Даже не смотря на то, что мой пострадавший коллега отсутствовал довольно долго. Куда дольше, чем могло потребоваться, чтобы войти внутрь и вызвать человека – или людей – на улицу.

Он появился в сопровождении чего-то длинного и плохо гнущегося – то ли от холодов, то ли просто природа не доработала. Но это длинное было явно человеком, мужчиной во цвете лет, и выглядело достаточно крепким, чтобы я испытал определенные опасения. Успокаивало, что противник один.

Они пересекли дорогу и остановились напротив. Я отметил, что в облике Четырехглазого произошли определенные перемены. Во-первых, он стал выглядеть куда менее растрепанным – видимо, успел привести себя в относительный порядок в комнате с двумя нулями, хотя я его об этом не про-

сил. Но это можно было отнести к положительной части. Зато, во-вторых, в дополнение к двум своим парам глаз умудрился приобрести где-то внушительных размеров фингал, и это был уже изрядный минус. Я напрягся.

– Этот, что ли? – спросил нестигаемый крепыш, указывая на меня, но обращаясь к Четырехглазому. И остался без ответа, потому что коллега, проигнорировав вопрос начисто, заговорил со мной:

– Вот, Мишок. Это начальник охраны «Колизея». Он меня в первый раз не бил, а пять минут назад синяк поставил.

– А ты чего – деловой? – слегка даже осторожно спросил начальник, и его немигающий взгляд воткнулся теперь в меня. Но ему, невезучему, опять пришлось остаться без ответа. Потому что я тоже проигнорировал его, обратившись к Четырехглазому:

– А те шлимазлы, которые ксиву отобрали?

– Они меня к нему и направили.

И только теперь я почтил главу клубной охраны своим высочайшим вниманием. Осмотрел, брезгливо и надменно, и обронил с губы – как шубу с барского плеча:

– Ну и нахрена? Ну, понимаю – побили. Ксивы нахрена забирать?

– Ты кто такой? – мужчинке не очень понравился мой тон, и он выпятил грудь, стараясь казаться еще внушительнее. Так жабы на болоте делают, когда цаплю на испуг берут. Я сам видел. – Кто ты есть по жизни, чувак?

– Я так, – сказал я. – Я по жизни до ветру выскочил. Я тебе вопрос задал, недоразвитый. На пальцах повторить?

Может, и не стоило разговаривать с ним в таком тоне и такими словами. Может, нужно было нежно и ласково, как с девушкой. Но, во-первых, вопрос не казался мне особо сложным – ну, вернуть документы, и все. А во-вторых, я был недовыспавшийся, а потому хотел покончить со всей этой тягомотиной побыстрее. Если бы знал, что народ в «Коллизее» работает нервный, может, и постарался действовать осторожнее. Но я не знал. А вышибала обиделся. Протянул к моей морде растопыренную ладошку и спросил:

– Ты чего – проблему наживаешь, придурок?

Я взял его за пальцы и выгнул их. А чего, в самом деле? Они так красиво болтались перед самым моим носом, что просто грех было не воспользоваться.

– Ксивы верни, – попросил я.

Он слегка подогнулся в коленях – оказалось, не совсем монолитный, – и разнервничался. Возможно, душила обида за то, что не успел вовремя убрать пальцы. А может, и то обстоятельство, что пришлось сгибаться – пусть даже слегка и только в коленках – сыграло свою роль. В отместку охранник попытался меня ударить. Сперва левой рукой. Но когда я сильнее выгнул его пальцы и удар ушел куда-то в молоко, то лягнул ногой.

Попал, между прочим, в бедро. Стало больно. И даже обидно – понять, что на месте удара будет синяк, труда не

составило. Вы можете начинать смеяться, но я совсем не любитель синяков по всему телу, хоть иногда и случается. Как абстракция они были, возможно и неплохи. Только я не любитель абстракционизма. А если брать более приземленные материи, то я даже не мазохист – не знаю, хорошо это или плохо. На мой взгляд – хорошо. И менять свои вкусы я не собирался. Осерчал, выронил из рукава монтировку и сунул ее охраннику между ног. Когда тот согнулся пополам, добавил сверху по голове. Не сильно – до легкого звездопада. Мне совсем не улыбалось, чтобы он потерял сознание. Я хотел с ним еще за жизнь пообщаться. Но сперва охлопал на предмет обыскать, извлек из кармана бумажник и открыл оный. Подарка для Четырехглазого там не было. Деньги, карточки и прочая дрянь. Даже паспорт и водительские права – но к Четырехглазому они не имели никакого отношения. Документы коллеги находились где-то в другом месте. Это было хуже, но не смертельно.

– Твоей ксивы тут нет, Четыре Глаза, – огорчил я его, протягивая бумажник. – Только этого хуцпана бумаги. На, возьми. К восьми утра в таксопарк подтягивайся. Он туда твои документы доставит. Там и обменяетесь.

Четыре Глаза неуверенным жестом принял бумажник и на всякий случай поинтересовался:

– Что, вместе с деньгами, что ли?

– Они ведь твои бабки тоже не вернули? – спросил я. – Так что не парься. Если что – завтра утром посчитаетесь. Я

постараюсь успеть, чтобы при этом присутствовать. И мой совет прихвати – не попадай ты больше в такие хипеши. У тебя получится. Ты же мирный человек, Четыре Глаза. Что на тебя нашло?

– Не знаю, – все многочисленные гляделки коллеги, и даже фингал под ними, выражали отчаяние. – Я ведь просто телку хотел снять. Кто же знал, что так получится?

– Вот и доснимался, – резюмировал я. И решил немного поморализаторствовать. А чего – другим можно, а мне нельзя? Это же не значит, что я готов подписаться под каждым сказанным словом. Просто понты понарежаю – для себя, ничего кроме. Ну, а если мои слова и на него повлияют – тоже неплохо. – Чистоту семейных отношений блюсть надо, это я тебе как эксперт говорю. Взясся за Любаву – вот и держись за нее. Она у тебя мягкая и теплая. И нечего от добра добра искать. Все, вали.

Моя речь в защиту семейных ценностей произвела впечатление. Теперь Четыре Глаза всем своим видом выражал раскаяние. Я готов был последние носки прозакладывать – в ближайшие полгода его налево не потянет. Неплохой результат для меня, как для психолога, мягко говоря, начинающего.

Но один нюанс, оказалось, до Четырехглазого так и не дошел.

– Как валить? – удивился он. – А ты?

– А мне еще с товарищем побеседовать надо, – я небрежно

мотнул пальцем в сторону лежащего тела. – Вали, друг. Ты мне только мешать будешь. Отвлекать, с советами ненужными лезть. Ни к чему это.

– Ага, – Четыре Глаза попытался сделать вид, что все понял, хотя по тону было ясно – ни хрена он не понял. – А на чем валить?

– Найди Рамса. Сам же говорил, что он где-то здесь ночует. Вот на нем и вали.

Кажется, наконец дошло. Во всяком случае, Четыре Глаза, на ходу засовывая трофейный бумажник в карман, таки отправился на поиски нашего коллеги, который мог бы доставить его домой. А я остался наедине с телом, до которого нужно было донести кое-какие простые истины. Снова склонился над ним и попытался представить, что оно сейчас чувствует и какие мысли про меня думает. Понять противника, как по секрету шепнул мне однажды Александр Васильевич Суворов – это уже наполовину победить его. Хотя относительно Суворова могу ошибаться. Это мог быть и Александр Филиппович Македонский. Я в тот момент вельми пьян был, личность шептавшего запомнил не очень.

Между тем туловище, похоже, уже пришло в себя, и теперь вполне могло попытаться оспорить у меня право победителя. Могло, да не попыталось. Видимо, искрометный нрав монтировки заставил его проявить максимум выдержки и благоразумия. Усиливая эффект, я приподнял инструмент и слегка стукнул охранника по голове. Получилось

неплохо. Он о своих ощущениях промолчал, а мне понравилось. И, продолжая для острастки держать железяку над головой противника, я начал держать речь:

– Вот ты – человек с определенным положением, а значит, не совсем безмозглый. Неужели не мог сообразить, что забирать у человека документы – жлобство? Человек без ксивы – это все равно, что, извини, курица без яйца в заднице. На работу устроиться невозможно. Первый встречный мент – его. Если уж решили гоп-стопом заняться, могли бы тупо поделиться – себе деньги, ему – документы, и пусть себе валит, куда хочет. С вас за это, возможно, никто бы ничего не спросил. Кроме ответной драки. А вы что подумали? Раз очкарик – значит, можно делать все, что угодно? Так я тебе сообщаю – ни хрена подобного, – тело у моих ног скрипело зубами, причем, все громче и громче, поскольку положение, в котором оказалось, было для него непривычным и вызывало, мягко говоря, протест в прямой кишке. Но, поскольку возразить было нечего, словами ничего не говорило. Да и здоровье, наверное, пока не позволяло. – А вот теперь сам в его положении оказался. У тебя тоже все отмели. Полежи, подумай. Может, поймешь, что ты со своей братвой неправ был. А к восьми утра в третий таксопарк подгребай. Только ксивы моего корешка не забудь. Там и перетрем помельче, если будет желание. И это... Не обижайся на меня. Я, наверное, грубо себя вел, но сам понимаешь – война, инфляция...

В этот момент за моей спиной зашипели. Я подпрыгнул от

неожиданности и, быстро обернувшись, сделал пару скачков назад.

Оказалось, очень вовремя. Потому что несанкционированное шипение издал кто-то из троицы, совершающей нежданный рейд по моим тылам. Видимо, полудохлый мороженный курильщик, которого я опрометчиво пожалел по прибытии к «Колизею», заметил, что на подведомственной территории творится неладное, сбегал и настучал, кому нужно. Результатом такого стукачества стало появление у меня в тылу этих троих. Сам парнишка, между прочим, снова торчал перед дверью, теперь уже весьма активно истребляя новую сигарету. Разогрелся, падла, пока бегал.

Троица была в черных похоронных костюмах и белых рубашках. У каждого на груди – бэйджик с именем-фамилией. Даже ослик Иа сразу сообразил бы, что это подручные поверженного мною туловища. Вышыбалы через две буквы «ы», потому что даже про «жи-ши» никогда не слышали. Пришли, получается, спасти командира. Героические ребята. Только какие-то неуклюжие.

– Смотри, что ты наделал! – сказал один из них, видя, что их засекли.

– А нечего было об меня спотыкаться! – возразил второй. Я мысленно похвалил себя за наблюдательность. И впрямь, очень глупые ребята. Вместо того чтобы броситься на врага и начать пинать ногами, компенсируя потерю внезапности бурей и натиском, устроили промеж собой грызню.

И я, ошалевший было от неожиданности, получил возможность собраться и оценить обстановку.

– Заткнитесь, вы, оба! – рявкнул третий из рейдеров. Он, как в сказке, оказался самым умным. И даже где-то сердобольным – подошел к поверженному шефу, склонился над ним, потрогал за плечо и спросил: – Саша, ты в порядке?

– Ни хрена он не в порядке, – меня не спрашивали, но я не мог промолчать. – У него яйца всмятку, шишка на голове, а еще, наверное, легкое сотрясение мозга. Если есть чему трястись. Только я не хотел, честно. Я старался полегоньку.

– Ты тоже заткнись, – посоветовал третий, не поднимая головы. Но, поскольку Саша отвечать не торопился, все-таки решил переключиться на меня. Поднял голову и даже взглядом одарил. Мне этот взгляд не понравился – таким мясник с бараньей тушей общается. Перед началом разделки. – Ну, ты и дятел! Ты вообще соображаешь, чем это тебе грозит?

– Не, – я покачал головой. – Я, пацаны, уже давно ни фига не соображаю. Холодно, ночь. Отморозил соображалку напроць. Мне бы сейчас домой, в люлю – и баиньки. И чтобы да, так ведь нет – приходится здесь с вами, шлимазлами, разговоры разговаривать.

– Рубашкой деревянной тебе это грозит, – не услышав меня ни разу, закончил свою мысль самый умный. И, не меняя позы, махнул рукой: – Васек, разберись с дядей.

Васек – тот самый парень, о которого споткнулись – сделал шаг вперед, вынимая из-под пиджака дубинку. Видимо,

резиновую. Я напрягся. Парни, как-никак, профессионалы. Их, наверное, на тренировках каждый день дрючат, как правильно дубинку и другие предметы по назначению применять. Но отступать было как-то неинтересно. Я еще вполне сносно себя ощущал, в отличие от, скажем, главного клубного вышибалы, который только-только начал демонстрировать некоторые признаки исцеления. Да и боевой пыл троицы настоятельно требовал выхода. Прыгни я сейчас в машину и попытайся скрыться в ночи – и от старушки «Волги» останутся только колеса, и те без резины. Раньше, чем моя нога опустится на педаль газа.

В общем, в воздухе отчетливо пахло дракой. Васек пока был один – его спутники, кажется, решили, что он достаточно подготовлен для карательной миссии. Они просто не знали меня, подлого.

Стоило их соратнику сделать еще шаг вперед и взмахнуть дубинкой, как я оказался на земле, а моя нога – у Васька в паху. Второй оmlет за один час. С такими показателями, пожалуй, можно и о карьере повара задуматься.

Ваську мои спортивные достижения, однако, были по фигуре. Его в данный момент интересовало только одно – как бы половчее и, по возможности, безболезненно, вытряхнуть свои яйца из своего же желудка. Задача была не так проста, как рисовалась с первого взгляда. Она заставила Васька сперва сложиться пополам, а потом растянуться на земле.

Пока он проделывал все эти телодвижения, пока его друж-

ки недоуменно наблюдали за окончанием так и не начавшегося поединка, я оказался на ногах. И заметил, что такую же позицию пытается принять главный вышибала «Коллизея». Мне его намерения совсем не понравились, – дополнительный противник, однако, – я быстро шагнул вперед и погрузил кулак в правую почку охранника. Тот принял исходное положение, а я оказался лицом к лицу с самым умным из трех спасателей. Парень шевельнул было рукой, но я помахал монтировкой перед его носом – мол, не стоит. И он не рискнул. Вместо этого вытянул лицо на совершенно лошадиный манер и проямлил:

– Да ты и правда дурак! Мы же тебя из-под земли достанем!

– Сначала очередь займи, – посоветовал я. – А вообще, из-под земли – это я не против. Когда закопают, отдельно сообщу.

С потерей Васька и, повторно, своего командира парни напрочь утратили боевой задор. Мне бы этим пользоваться на полную катушку, довершив разгром врага на его территории, да времени не было. Пора было сваливать. Потому что я не тщеславный, за безоговорочными капитуляциями не гоняюсь. И еще потому, что краем глаза заметил, что курильщика-стукача опять не было на боевом посту. Видимо, он понял, что беспорядки продолжаются, и снова побежал ябедничать.

На прощанье мы смерили друг друга взглядами. Они – как

два голодных удава, я – как не менее голодный кролик. Затем поднял руку с монтировкой в прощальном салюте и, не выпуская противника из поля зрения, на ощупь втиснулся за баранку.

Охранники остались стоять на месте – ну, чистые атланты, у которых внезапным порывом ветра фиговые листки сорвало. Такие же сконфуженные. А я покатил подальше от этого места – ну его на фиг, в самом деле. Приведет сейчас курильщик всю клубную братию, и хрен я от них монтировкой отмахуюсь. Тем более что, ученые горьким опытом, пацаны наверняка припрутся не с дубинками, а, скажем, с пистолетами. Которые у них, вполне вероятно, имеются.

Крутя баранку, я всю анализировал ситуацию, в которую вляпался по милости богатого на глаза коллеги. Допускаю, что анализ, в силу невыспанности и изрядной подмороженности мозга, получился не очень, но чем дольше я думал об эту тему, тем больше казалось, что ничего страшного, на самом деле, не произошло. Скорее, недоразумение, чем полноценный хипеш. Подъедут они утром в гараж, привезут документы Четырехглазого, получат взамен свои. Захотят побарагозить – ну что ж, милости просим. У нас там тоже побольше полутора сот рыл в пересменку собирается. Короче, разруливалась ситуация. Не как дважды два, но все же. Вот только при этом самом обмене обязательно нужно присутствовать и мне. Чтобы тактикой-стратегией руководить, пятое-десятое. Да и чисто по-человечески интересно было, чем

дело закончится.

И еще подумал, что я все-таки изрядный балбес. В который раз ни с того, ни с сего ввязался в дурацкую историю, и в который раз вышел сухим из воды. С другой стороны – что ж мне было, бросать Четырехглазого в беде? Так непривыкший я. Когда у товарища проблемы, ему надо помогать. Я пошел и помог. Конечно, мне повезло, как без этого? И везение состояло из многих и многих долек. Как мандарин. Самая, конечно, крупная – это то, что и главный вышибала, и его подручные явились на разборки с голыми руками. Еще одна, не менее важная – что троица на самом интересном месте принялась спотыкаться друг о друга, и я узнал об их появлении гораздо раньше, чем они того хотели. Дык, как там у мудрых? Везет достойным, да?

Вел я себя, не спорю, наглее разумного. Можно было и повежливее. Особенно с первым, который главный. Возможно, не стоило практиковаться в отработывании азбуки Морзе монтировкой по его голове. Возможно даже, что не стоило бить его в почку, когда он пытался выпрямиться – к тому времени дядька успел вдоволь наобщаться и со мной, и с монтировкой, и пребывал не в самой лучшей форме. Но я не стал испытывать судьбу, разом лишив потенциально-го противника любой возможности принять участие в конфликте...

Теперь я держал путь туда, откуда был бесцеремонно выдернут сорок минут назад. Что сделано – то сделано. Не во-

ротишь. Но, в общем и целом, я решил, что Четыре Глаза мне должен. И не одну бутылку. К тому же по его милости я лишился верного заработка, пропустив поезд. Клиентов, понятное дело, уже расхватали, даже не попытавшись дождаться меня.

Впрочем, сильно расстраиваться по этому поводу не стоило. Потому что через полчаса должен был подойти еще один состав – с противоположной стороны. Так что без своего пассажира я с вокзала не уеду.

Решив так, пристроил машину на стоянку и, откинувшись на сиденье, прикрыл глаза. Организм требовал отдыха, и мне подумалось, что ничего страшного не случится, если немного вздремну. Все равно привокзальный диктор разбудит.

Но организм сыграл со мной скверную шутку – я провалился в тяжелый черный сон. Так и не услышав ни этого объявления, ни следующих. А страждущие почему-то постеснялись будить усталого таксера. Что ни говори, а народ у нас чуткий.

Глава 2

Мне снился сон, о том, что Четыре Глаза вернулся. Уже с двумя синяками и вообще без очков. Подошел к машине и принялся привычно барабанить по крыше. Я открыл окно, высунул голову и спросил: «Что еще случилось?». «Меня Пугачев побил», – ответил Четыре Глаза, не переставая стучать. «Какой Пугачев?» – не понял я. «Емельян Пугачев», – сказал он. «Ты чего несешь? Его четвертовали лет двести назад, как сейчас помню. И прекрати долбиться!». Четыре Глаза не прекратил, я зло дернулся, пытаюсь поймать его руку, стукнулся обо что-то и проснулся.

Никакого Четырехглазого вокруг не было. И окошко я тоже не открывал. И про Емельку Пугачева, понятно, все оказалось бредом воспаленного мозга. Единственной реальной вещью оставалась барабанная дробь по крыше.

Я проделал операцию по открыванию окошка вторично, на сей раз наяву. Снаружи стоял Рамс. Именно он и разбудил меня.

Его фактурный грузинский нос покрылся инеем, в глазах навсегда замерзла тоска. Увидев мою заспанную физиономию, Рамс грустно улыбнулся:

- Я уже стучу-стучу, а ты не открываешь. Спишь, э?
- Есть немного. А в чем дело?
- В парк едешь, э?

– А сколько времени?

– Половина восьмого, да.

– Черт! – я вспомнил, что в восемь мне обязательно нужно быть в гараже, где будет происходить процедура обмена документами. Четыре Глаза, как сопливая полуинтеллигенция, человек во всех отношениях неопытный, мог запросто надумать глупостей, поэтому контроль со стороны такого бравого парня, как я, был просто необходим. – Спасибо Рамс.

– Э, с тебя бутылка.

– О чем базар?! Ты какую газировку любишь?

– Какой газировка, слушай?

– Обыкновенный, с пузырьками. Ты тоже едешь?

– Подожди, э! Не хочу газировка-шмазировка. Водка хочу.

– Рамс, натурально – пузырьки повылавливаешь, спиртом один к одному разведешь – водка получится. Я так уже делал. Вставляет лучше, чем факел в задницу. Ты ночью Четырехглазого домой отвез?

– Конечно, да.

– Нормально доехали?

– Нормально, да. Только у Четыре Глаза с синяком бил. У него что-то случился, да?

– Случился, да. Слушай, Рамс. Я бы тут с тобой еще покалякал об тему-другую, только времени нет. Ты едешь?

– Я еду, слушай? Конечно, да! Я уже домой хочу. Спать хочу. Кушать хочу. Жену хочу.

Странная последовательность, если вдуматься. Но это уже, видимо, особенности хрупкой грузинской психики. Я не стал заострять на этом внимание. Как не стал и выяснять, каким путем он собирался ехать к таксопарку. Начинался час пик, и я рисковал не успеть в условленное место к назначенному времени. Поэтому, оставив Рамса буквально на произвол судьбы, вырулил с привокзальной площади. После чего – чистый летчик-ас – полетел в сторону гаража. Выбирая при этом маршруты по возможности тихие – чтобы никто под колесами не путался, помех не создавал и время зря не отнимал.

Минуты через три в зеркальце заднего обзора нарисовалось такси Рамса. Я вытянул губы трубочкой – от удивления. Потому что скорость у меня была приличная, к тому же по заснеженным улицам... Да и, насколько я знал Рамса, тот не любил лихачить. А вот поди ж ты – догнал, на хвост присел.

Но самое интересное началось дальше. Рамс, видимо, твердо решил, что нам нужно ехать колея в колею. Вернее, в колею нужно ехать ему, поскольку передо мной никакой колеи даже гипотетически не существовало. А перед ним маячила путеводная задница моей «Волги», и он четко придерживался предначертанного ею. Для какой цели ему это было нужно – поди, догадайся. Может быть, боялся, что дорога заминирована, а может, просто не любил тропить путь. А может, хотел догнать меня и стрясти обещанную бутылку газировки прямо сейчас.

Я, между нами, люблю ставить эксперименты над людьми. Потому что это очень забавные зверушки и порой результаты опытов в буквальном смысле сносят башню экспериментаторам вроде меня. Своей неожиданностью. Так что, едва увидев в зеркале заднего вида, что вытворяет Рамс, я тут же понял, что наткнулся на весьма достойный объект для опыта. И сразу приступил к его осуществлению. Для начала пару раз вильнул из стороны в сторону. Рамс повторил маневр. Вообще, похоже, грузин отнесся к задаче очень серьезно. Я физически чувствовал, как он напрягается. Аж зубы заныли. Словно не ему, а мне приходилось напрягаться изо всех сил, копируя чужой маршрут. Идиотизм несусветный.

Я прибавил скорость. Это было весьма рискованно, но на что не пойдешь ради эксперимента? Грузин тоже поднажал – и умудрился не потерять колею. Меня занесло на некрутом, в принципе, вираже – и его тоже занесло. Блин, ну синхронная езда какая-то, честное слово! Чувствую, что-то нынешней ночью отморозил себе Рамс – что-то нежное, теплолюбивое, чем награждаются только сыны солнечной Грузии. Вот приедем в гараж – обязательно поинтересуюсь, что именно. Какую такую часть тела или организма? Глядишь, пригодится. Я, конечно, не гордый сын Грузии, но кто знает, где по молодости лет носило моего дедушку? Я уж не говорю о прадедушке, который, согласно преданиям, тот еще охломон был.

Однако смех – смехом, но эксперимент пора было закан-

чивать. Скользящая зимняя дорога – не самое подходящее место для этого. Я в этом лишний раз убедился, когда чуть не слетел с трассы в сугроб. А потому сбросил скорость и перестал издеваться над Рамсом. Только он, подла, не ответил взаимностью. Тоже сбросил скорость и продолжил телепание в кильватере.

Ну, да хрен с ним. Я постарался не обращать внимания на бултыхающуюся в зеркале «Волгу» грузина и сосредоточился на ночном происшествии. На относительно свежую – после короткого сна – голову не мешало еще раз прокрутить случившееся у «Колизея». Как и возможные последствия сего.

Итак, приезд – обмен документов – возможная легкая потасовка – разъезд. Сколько я ни пыжился, ничего коварного найти не мог. Самое сложное – в смысле исполнения – все-таки уже произошло. Ночью, у «Колизея». Впереди маячили чисто технические моменты. Единственное, о чем пожалел – что не посоветовал Четырехглазому добираться до таксопарка, как я сейчас, то есть окольными путями. Сам он, душонка мирная и для принятия стратегических решений мало приспособленная, вряд ли до этого додумается. Так что гипотетическую вероятность того, что коллегу перехватят по дороге, я со счетов сбрасывать не торопился. Ведь умудрился он влипнуть ночью – отчего бы не влипнуть и сейчас? Черт! Можно подумать, у меня своих проблем мало. Так еще и за Четырехглазого беспокойся!

Но стоило ли зацикливаться на этом? Все-таки, вероятность благоприятного исхода можно было расценивать, как десять к одному. И я сосредоточился на дороге. Тем более что небеса, кажется, благоволили – часы показывали, что до randevу еще десять минут, а я уже въехал в промзону, где пробок не бывает априори. То есть, вполне успевал. Со мной за компанию успевал и Рамс, грузин и таксист одновременно. Хотя этот даже приблизительно не знал, куда и зачем он успевает.

Ворота, ведущие на территорию таксопарка, были распахнуты настежь. Время пересменки, а как иначе? Почти сотня человек подъедет сюда, чтобы принять старенькие – и не очень – казенные «Волги», еще столько же – чтобы эти «Волги» им передать. Ну, может, плюс-минус десяток – кто-то заболел, у кого-то машина в ремонте, кто-то вообще в отпуске. Дело житейское.

Я загнал машину в бокс, вылез и осмотрелся. Народу в парке было уже порядочно. Приедь сейчас сюда колизеевские бойцы и попытайся затеять заварушку – им таких люлей навешают, что о профессии охранника придется забыть раз и навсегда. Хорошо, если подкопленных на этом попроще денег на инвалидную коляску хватит. Но бойцов из «Колизея» еще не было – я проезжал через ворота, я бы заметил.

Попытка отыскать в толпе тощую фигуру Четырехглазого также успехом не увенчалась. Не потому, что Валерий Четыре Глаза был настолько невзрачным, что постоянно терялся

на фоне других людей. И даже не потому, что он попросту отсутствовал в гараже. А потому, что мне нагло и беспардонно помешали в этом вопросе разобраться. Так нагло мог себя вести только один человек в нашей большой конторе – завгар Макарец.

Он подкрался сзади и, сияя щербатой улыбочкой довольно подлого внешнего вида, сунул мне в руки журнал:

– Распишись, Мешковский.

Начало, в принципе, не самое страшное. Скорее – традиционное начало. Но расслабляться не стоило – Макарец на все способен. Я нарисовал закорючку в графе «Окончание смены», проставил циферки, когда сие произошло, и вернул журнал завгару. При этом мне не очень понравилась морда его лица. Она и прежде-то симпатий не вызывала (а такая морда только резиновой женщине приглянуться может, потому что той вообще все пофигу – она надувная), но сегодня выглядела особенно неприятно. Хитрая-хитрая. Макарец явно что-то замышлял. Знать бы – что.

Не сказать, чтобы под моим суровым пристальным взглядом завгар стушевался, но не без гордости отмечу – глаза он отвел первым. Правда, лишь для того, чтобы в свою очередь поставить контрольный росчерк в журнале. После чего захлопнул книжицу и выразительно пощелкал перед моим носом пальцами. Танцор диско, блин. Джимми-Джимми, хочу хача, чтоб он лопнул. В последние пару лет, видимо, в целях экономии средств, его назначили еще и ответственным

за сбор выручки, поэтому я молча, хоть и не без зубовного скрежета, нырнул в салон, достал из кормушки деньги и сунул в протянутую ко мне жадную и загребущую лапу.

Завгар пересчитал купюры и прищурился еще хитрее:

– Четыреста тысяч. Ты что, охренел, Мешковский? Это не работа. За такую работу в шею гнать надо.

– Тебе до моей шеи еще расти и расти, – успокоил я. Насколько успел заметить краем глаза, – а краем глаза я замечаю на удивление много; это, наверное, какая-то особая форма косоглазия, – из тех, кто отработал в ночную, ни один не сделал больше полутора миллионов. А кое-кто даже до моей планки не дотянулся. Но ведь у нас с Макарецом особо теплые отношения, и мои трудовые успехи всегда радовали его особенно сильно. Поэтому он с самого начала и лыбился так широко – предвкушал, как будет влезать мне под кожу, используя малую выручку в качестве предлога. Только вот непонятно, с какого перепугу вдруг взялся решать, кого гнать в шею, а кого – не очень. Однако, испытывая ко мне непреодолимую тягу, он при каждом удобном случае норovil сделать какую-нибудь подляну. Что у него неплохо получалось. Но, поскольку чувства были взаимны, то я не раз бивал завгара за эти подляны. Именно моими стараниями он лишился большей части недостающих зубов. От этого нас еще сильнее тянуло друг к другу.

– Ты директору объяснять будешь, кому и куда расти, – огрызнулся он.

У меня зачесалась рука. Зубы Макареца вдруг показались такими близкими и привлекательными, что захотелось выбить их и забрать с собой. Я бы, наверное, так и сделал – тем более что настроение было соответствующее. Ночное приключение и теперешнее отсутствие Четырехглазого в гараже поспособствовали. Но они же внезапно подсказали, что растрачивать сейчас силы, время и нервы на Макареца – существо, стоящее на лестнице эволюции ниже головастика – вряд ли разумно. Поэтому я решил использовать почти безнадежный, но единственно доступный мне сейчас способ воздействия на него – через кору головного мозга:

– Слушай, Макарец, вот между нами, девочками, говоря – ты сегодня ночью на улицу выходил?

– Я же не дурак. – Он аж раздулся от гордости за то, что думает, будто не дурак. Ну, ему никто не запрещал думать что угодно. Но никто и не обещал, что эти думки будут истиной в последней инстанции. Ведь так?

– Вопрос спорный, – я все же слегка осадил его. – Но не будем заострять внимание. Ты себя дураком не считаешь, другие тоже себя дураками не считают. Ты знаешь, какой был холод?

– Нет.

– Собачий был холод, Макарец. Весь город по домам отсиживался – морозы пережидал. Какая может быть выручка при таком раскладе? Я понимаю, что ты мне не веришь. Так давай откроем журнал и пробежимся, посмотрим, сколько

денег другие привезли.

Нет, он не стал открывать журнал. Высокомерно хмыкнул в меня, развернулся и удалился. И книжицу свою с собой унес, не вписав в нее сумму выручки и не дав расписаться напротив. Но это ничего, это не страшно. Я даже не стал окликать его. Четыреста тысяч при любом раскладе особой роли не сыграют. Да и не рискнет завгар так кондово подставлять меня. Он любил действовать изощреннее. В этом смысле его можно было даже назвать эстетом.

Я посмотрел на часы. Восемь ноль-ноль. Время Ч. Если Четыре Глаза здесь, он должен был постараться найти меня. Если он не нашел меня, но все равно здесь, то должен постараться произвести обмен документов своими силами. А где это сделать, как не возле внешних ворот? Почти нейтральная территория. Вряд ли вышибалы из «Колизея» рискнут ломиться в самый гараж, где слоняется больше полутора сотен небритых злых рыл. Такова логика.

Вычислив место, где должна была состояться процедура обмена, я поспешил туда. Если она все-таки состоится, то еще успею. Не могут же они провернуть всю операцию за полминуты, в самом деле.

Они и не провернули. В том дрянном смысле, что никакой операции вообще не было. Так же, как и следов Четырехглазого. И ни намека на пришельцев из «Колизея». Вообще ничего. Открытие мне совсем не понравилось.

А что тут может понравится, когда черным по белому бы-

ло очевидно – что-то где-то пошло наперекосьяк. Если бы опаздывал Четыре Глаза, то гарни хлопци из ночного клуба все равно толпились бы у ворот. Если бы опаздывали они, толпился бы Четыре Глаза. Но не было ни одной из заинтересованных сторон. Кроме меня, которого заинтересованной стороной можно было назвать лишь с серьезными оговорками. Вывод напрашивался сам собой – коллегу перехватили где-то по пути к таксопарку. Мои десять шансов к одному за благополучный исход мероприятия в мгновение ока перевернулись с ног на голову и превратились в один к десяти. Оставались лишь мизерные крохи надежды. Она, кажется, вообще последней умирает – так, да?

Я поспешил обратно в гараж.

Настроение было не в дугу. Хотя описать его словами я бы не взялся. Нечто среднее между яростью, досадой и растерянностью. Ярость и досада – на себя, любимого, где-то что-то не просчитавшего до конца, а где-то, возможно, перемудрившего. А ведь как нахваливал себя, как гладил мысленно по головке, сравнивая с неумехой Четырехглазым! И где теперь, по моей милости, обретается данный неумеха? А хрен его знает, где он обретается. Осознанием последнего обстоятельства была вызвана, кстати, растерянность. Усугублявшаяся тем, что я пока не представлял, какими должны быть последующие действия.

У входа в боксы, на скамейке для курильщиков, одиноко сидел Рамс. Он был очень грустный, и мне стало немножко

легче – значит, не я один такой. Хотя причины для грусти у нас однозначно были разные.

Скамейка была для курильщиков, но Рамс не курил. Потому что он вообще не курил, экономя здоровье. Хотел прожить долго – очень долго. Утверждал, что грузины вообще долгожители, а сваны – и вовсе почти бессмертны. Его личный дедушка прожил то ли сто пятьдесят, то ли сто пятьдесят тысяч лет, и собственными руками загрыз последнего мамонта. Рамс собирался побить рекорд дедушки, но я терялся в догадках – кого он изберет на роль мамонта? Дункан Маклауд, блин.

Резко свернув в его сторону, я остановился напротив скамьи и строго спросил:

– Где твое боевое настроение, боец?

– Какой такой боец-шмаец, э? – он протянул ко мне ладонь жестом нищего на паперти. – На меня сейчас Макарец кричал – денег хочу, говорит.

– А ты?

– А где я ему деньги-меньги возьму? Два с половиной клиента за весь ночь – это деньги, да? Это слезы. А он говорит – уволю! За что уволю, Мишок? За слезы, да?!

– Тю! – удивился я. – Так это ты из-за Макареца расстраиваешься? Нашел, о чем горевать. Это же больной человек, Рамс. Его из психушки под подписку выпустили. Вот он и ходит, людям мозг насилует. Мне сегодня тоже попытался. Я же из-за этого не расстраиваюсь.

– Тебе тоже? – Рамс буквально расцвел, осознав, что он также не одинок. – А тебе за что?

– За то же, что и тебе. Денег хотел.

– А ты?

– А я не дал. Денег все люди хотят. Не каждый их достоин. Вот когда он начнет по команде «Апорт!» мне пиво из ларька таскать – тогда можно будет и по поводу денег подумать.

– Вах, Мишок! – сурово заметил Рамс. – Опять ты все неправду говоришь. Зачем ты постоянно бедного грузина обмануть хочешь?

– Где я тебя обманул, Рамс? Ну, дал я Макарецу четыреста тысяч рублей. Так ведь четыреста тысяч – не деньги, сам знаешь. Это, по нынешним временам, даже не слезы. – Я присел рядом с ним на скамейку, хлопнул по плечу и заговорщицки подмигнул: – А вот ты мне скажи, дорогой – зачем ты от вокзала за мной след в след ехал? Целкость тренировал?

– Какой целкость?! – он гневно сверкнул темными очами. – Я целкость в двенадцать лет потерял! Я – джигит!

– А сваны бывают джигитами?

– Сваны могут быть всем, чем захотят!

– Ух, ты! Здорово. А зачем, все-таки, за мной ехал?

Рамс немножко смутился, хотя у него это плохо получилось – он просто не умел этого делать. Потер кончик мясистого носа и признался:

– А ты город лучше меня знаешь. Всякие закоулки-шмакоулки. Я в пробках не хотел стоять, поэтому за тобой по-

ехал.

У него был такой вид, будто он только что собственноручно втоптал в грязь свое гипертрофированное мужское достоинство. И я пожалел его, сказав:

– Да ты не переживай, Рамс. Я не в претензии. Но с одним условием – теперь мы в расчете и я тебе никакой газировки-шмазировки не должен. Идет?

– Идет, – тяжело вздохнул он и поднялся. – Совсем плохой утро, э? Сначала Макарец уволить хочет, теперь ты меня на газировку кинул. Домой приду – жена точно не даст.

– За жену не скажу, – я тоже поднялся, – а про Макареца смело забыть можешь. У него таких прав нету, чтобы уволнять кого-нибудь. Он завгар простой.

– Зачем тогда он это говорил?

– Потому что сношать мозг ближнему своему – это право у него есть. Это право вообще у любого человека есть. Ты этому только не удивляйся, хорошо?

– Пойду домой, – Рамс осуждающе покачал головой – мол, как вы, кретины, достали со своими мудреными завихрениями! – и таки пошел к воротам. Видимо, имея в виду начать оттуда путешествие к жене. Которая все равно не даст – он сам признался.

Я хмыкнул и зашел в боксы. Беседа с Рамсом неплохо подправила настроение.

Пока я общался с Макарецом и Рамсом, пока между делом носился по территории таксопарка, большинство народа

успело разъехаться. Остались те, чей напарник еще не прибыл, поскольку волей клиента был отправлен к черту на кулички, да те, чьи транспортные средства были тяжело больны. Общим количеством не больше полутора десятков человек. Они неприкаянно слонялись по гаражу, изредка сбиваясь в стихийные кучки.

Из общей массы выбивался Генаха Кавалерист – жилистый тощий мужик лет на пять старше меня. Он стоял возле смотровой ямы, гордо выгнув колесом свои потрясающей кривизны ковбойские ноги, и разглядывал плакат на стене.

В смотровой яме стоял механик Вахиб и тоже смотрел на плакат. Сквозь дырку Генахиных ног.

Я решил, что на стене висит безусловно стоящая вещь, раз два таких уважаемых аксакала во все глаза пялятся на нее. Стоило присоединиться и оценить. Люблю шедевры.

Но, подойдя, не удержался и сказал механику:

– Слышь, Вахиб, а Генаха не шотландец – он Кавалерист.

– Ну и што? – Вахиб безразлично пожал плечами.

– Так у него не юбка, хрена ты ему под подол заглядываешь? Все равно ничего не видно.

– Тьфу, шайтан! – выругался Вахиб. – Сам дурак, и бабка твой с пистолетом ходил! – Развернулся и исчез под чьим-то неизлечимо больным авто. Я хохотнул и шагнул к Генахе.

– Здорово, Кавалерист. Приобщаешься к высокому искусству?

– Салют, Мишок. Не, а че? Великая вещь. Предлагаю вы-

двинуть на Нобелевскую.

Я присмотрелся. Действительно, неплохо. Если и не верх идиотизма, то где-то очень близко. Как, впрочем, многие агитки эпохи соцреализма.

На плакате был изображен солидного вида мужчина с поднятым вверх указательным пальцем. Мужчина чем-то неуловимо напоминал Ильича Второго, только орденов, бровей и лет поменьше. Рядом с ним красовался светофор с зажженным, почему-то, желтым цветом. А снизу шла надпись: «Водитель, помни! Светофор сохраняет жизнь пешехода!». Раньше этого плаката здесь не висело, точно помню. Видимо, завалился где-то на складах с ностальгических времен. А Макарец нашел его, притаранил сюда и привинтил к стене. Точно, Макарец. На такое больше ни у кого ума не хватит.

– Да, тонкая вещь, – согласился я.

– Не то слово, – Генаха обвел плакат жестом знатока жанра, объясняющего тупорылой публике скрытую суть представленной работы. – Если исходить из обратного, получится: «Пешеход, помни! Светофор сокращает жизнь водителя!».

Я присмотрелся к нему повнимательнее. Понятно, что семь классов образования. Понятно, что папа – дальнобойщик, а все детство в кабине КамАЗа прошло. Но такого даже я не ожидал. Все-таки, он был Кавалерист, а не шотландец и уж тем более не философ-казуист. С какой радости его потянуло в дебри словоблудия? Я мог найти этому только одно

объяснение – он, как и я, был с ночной, а значит, подобно мне, слегка повредился мозгом. Что ж, нашего полку прибыло. А эта новость завсегда приятна. Что я и отметил, похвалив его:

– Потрясающая логика. Конская до мозга костей. Нет, Генаха, ты не Кавалерист. Ты – то, что ниже.

Он повернулся ко мне. Глаза – красные-красные, как у бульдозера. Весь на нерве, поскольку невыспавшийся. После ночной частенько так бывает.

– Слышь, Мишок. А тебе никто не говорил, что ты через свой язык по голове когда-нибудь получишь?

– То есть, исходя из обратного, из-за своей головы я могу стукнуть кого-нибудь языком? Ты, Генаха, какой-то кубический футурист, в самом деле. Я такой оборот даже представить себе не могу. Ты картины рисовать не пробовал? С твоей больной фантазией нехилые деньги зашибать можно.

– Балабол, – Кавалерист вынул сигарету, нервическим жестом вставил ее в рот и закурил. И тут к нам с тылу подкрался Макарец.

– Да вы никак курить в боксах вздумали? – взвизгнул он под самое Генахино ухо. От неожиданности тот испугался и уронил с губы бычок куда-то в недра распахнутой на груди куртки. После чего принялся извиваться, хватая себя за разные части тела – пытался перехватить окуроч, пока тот не закатился, например, в трусы. Я с интересом наблюдал за этим фантастически прекрасным зрелищем. Нет, я не про-

тив спорта в виде гимнастики (правда, по телевизору и под пиво), но Кавалерист вытворял такое, что заставило бы плакать от зависти саму Лену Шушунову. Я почувствовал, что уважаю его. А когда бычок таки был извлечен откуда-то из района пуповины, уважение едва не переросло в поклонение. Чуть-чуть не хватило.

А Генаха, держа окурки совсем не той стороной, какой его держат все нормальные курильщики, повернулся к Макарецу и сообщил все, что думает о произошедшем, осыпав завгара отнюдь не розовыми лепестками:

– Слышь, ты! Гусь репчатый! Ты сделай так, чтобы я тебя искал и хрен когда нашел! У меня нервы не железные. Я тебя сейчас раком нагну и налысо побрею!

Макарец перед таким натиском отшатнулся, а я мило улыбнулся и перевел слова Кавалериста в более удобоваримую форму:

– Геннадий Алексеевич имеют в виду, что ваше присутствие их расстраивает. И, если вы не превратите присутствие в отсутствие, то в вашем облике произойдут определенные перемены. Зная Геннадия Алексеевича, смею утверждать, что перемены будут значительные и вряд ли облагородят ваш облик. Геннадий Алексеевич также выражают желание, чтобы в ближайшие несколько лет вы держались от него за пределами визуального контакта. Иначе они могут совершить неадекватный поступок, за который потом им будет стыдно. И вообще, слушай на сюда, Макарец. Ты уже всех достал сво-

ими приколами. Ты сегодня даже Рамса достать умудрился. В этих боксах не курит только ленивый или совсем некурящий. Понимаю, что у тебя сегодня было трудное утро, жена не дала... Или у тебя муж? Неважно. Короче, делаю вывод – ты трахаешь мозги тем, кому тебе в данный момент хочется их потрахать. Это не есть хорошо. За это тебя, Макарец, и не любят. Если ты такой принципиальный – без вопросов. Трахай людям головы, когда они это заслужили. Только – если заслужили, и не выборочно, а подряд. А если ты просто хочешь темную, то так прямо и скажи – мужики, я хочу темную. Тебе ее в течение получаса сочинят, зуб даю. И попинать тебя весь таксопарк соберется. Я даже могу сказать, куда тебя пинать будут. Хочешь?

Макарец, впечатленный моей речью, медленно помотал головой из стороны в сторону. Потом подумал и на словах добавил:

– Я на вас докладную напишу.

– Писать научись, андроид, – я сплюнул и отвернулся. Генеха тоже.

Макарец еще с минуту постоял, уныло наблюдая, как наглый Кавалерист затяжка за затяжкой поглощает сигарету, потом развернулся и побрел прочь. Я подмигнул Генехе:

– Ловко мы его уделали?

– Ловко ты его уделал, – поправил он и растоптал окурок. – Вот чего, Мишок, у тебя никогда не кончится – так это слов.

– Ну, – я зарделся от незаслуженной похвалы. – Должно же у человека быть хоть чего-нибудь много. У меня нет денег, нет совести, даже жены с малыми дитяи – и то нет. А вообще, Генаха, это у меня от недосыпания словесный понос случился. Это у меня всегда так. Вот ты становишься нервный и раздражительный, как кошка, которой хочется, да не с кем. А у меня недержание речи происходит. Ты, кстати, чего домой-то не едешь?

– Я в бухгалтерии был, – Генаха хлопнул себя по карману. – Послезавтра в отпуск ухожу.

Хороший у нас таксопарк. Единственный в городе, где таксеров в отпуска выгоняют. Так что нам пока можно было гордиться, хотя ходили упорные слухи, что лафа скоро закончится – директор заразился капитализмом по самые гланды и решил податься в безжалостные эксплуататоры. Так что Генаха, получается, был одним из последних счастливицков. Успел, так сказать, поймать момент. И все равно я удивился:

– Почему зимой? – удивился я. – Ценитель лыж и конькобежного спорта? А как же лошади?

– Пошел в жопу, – очень откровенно сказал Генаха. – У меня, Мишок, тоже, между прочим, ни жены, ни детей, ни мамы с папой. Так что мне без разницы, когда в отпуск уходить. Смогаюсь на Черное море, там сейчас народу нет. Отдохну.

– Тоже верно, – я вздохнул. Мне Черное море никогда даже не снилось. Я, как человек более приземленный, все от-

пуска проводил на рыбалке. – Ты Четырехглазого не видел? – Четыре Глаза был его сменщиком, и кому, как не Генахе, знать – появлялся ли в гараже наш многоокулярный друг.

– Нет! – Кавалерист удивленно посмотрел на меня. – Ты че? Он же сегодня в ночную заступает. Я машину на профилактику поставил, – и он махнул рукой куда-то в неопределенном направлении.

– Плохо, – еще раз вздохнул я.

– А что случилось?

– Еще не знаю.

– А зачем тебе тогда Четыре Глаза?

– Чтобы ничего не случилось.

– Не понимаю.

– Я тоже пока не очень понимаю, – признался я. Диалог вышел, признаться, сумбурный, и, не будь я в теме, точно свихнулся бы. Представляю, что за каша получилась в голове у Генахи. – Только боюсь, что-то все-таки случилось. Времени уже четверть девятого, а мы договаривались на восемь. Совсем плохо.

– Да в чем дело? – Кавалерист зло вытаращился на меня. Переживал, получается, за сменщика. И жаждал ясности. Знал бы он, как я ее жаждал!

– Не знаю я, Генаха. Крест на пузо – не знаю. Выясню что-нибудь – обязательно скажу.

Кавалерист обиженно заткнулся. Наверное, думал, что я скрываю от него какую-нибудь важную государственную

тайну. Это было не так, но объяснить, что к чему, я был не в настроении. Так мы и стояли, надутые, как мыши на крупу. Даже мужик с агитплаката уже не радовал своим сходством с незабвенной памяти бровеносным генсеком.

Осияв пространственно-временной континуум своим прибалтийским лоском, появился мой сменщик Ян. В прохладную атмосферу нашего с Генахой общества он вписался вполне. Потому как человек-айсберг. Я бы даже сказал – человек-Антарктида. Принципиально невозмутим. Нетороплив, расчетлив, последователен. Я со счета сбился, сколько раз его вызывали на ковер к директору за опоздания, но Литовец очень последовательно и расчетливо продолжал опаздывать. Директор, человек снаружи очень строгий, но внутри редкостная душка, в итоге махнул рукой. Тем более что на качестве работы эти поздние приходы никак не отражались. Короче, смерть от душевных переживаний Литовцу явно не грозила.

– Привет аборигенам, – сказал Ян, подойдя к нам.

– О, – сказал Генаха. – Хоть один нормальный человек нарисовался. А то Мишок с Макарецом мне уже все мозги высосали.

– А Мишок-то что сделал? – спросил Литовец. Упоминание Макареца его ни капли не удивило – сосание мозгов по утрам, вечерам и вообще в любое время дня и ночи было особой приметой завгара.

– Задолбал он меня, вот что, – пояснил Кавалерист. – У

него рот не закрывается. Уже полчаса стоит здесь и несет какую-то херню. Говорит – словесный понос. А у меня в голове уже конкретный бурелом.

– У Генахи новая теория, – пояснил я. – Типа, если посмотреть сбоку, то сверху будет видно, что снизу я получу по языку из-за своей головы. Ты чего-нибудь понимаешь?

– Нет, – честно ответил Ян.

– Я тоже. Хреновый, Генаха, из тебя Эйнштейн. Зря ты в восьмой класс не пошел.

– Я бы пошел, – возразил Кавалерист, – да меня не взяли. И вообще я сейчас из-за тебя шизой покроюсь. Слушай, Литовец, забери меня отсюда.

– Легко, – сказал Ян. Потом повернулся ко мне и добавил: – Ты тоже едешь?

– Ну, натурально, – я важно кивнул.

– Тогда подождите, я к Макарецу сгоняю.

И умчался. А я повернулся к Генахе и победно ухмыльнулся:

– Ты от меня так просто не ускачешь. Ян человек хороший, но он в первую голову мой напарник. Так что готовься.

– К чему? К тому, что ты меня до смерти заговоришь? Так я этого уже лет семь жду. Думаю, что однажды дождусь. Если прежде тебе голову не откручу.

– Зверь, а не человек, – хохотнул я. – Ладно, не бойсь. Я через слово разговаривать буду. В два раза дольше протянешь.

Сзади посигналили. Мы синхронно развернулись и направились к выходу. Там Генаха забрался в машину, а я пошел открывать ворота. Когда «Волга» выехала, проделал ту же операцию в обратном порядке и присоединился к Генахе. Он слегка потеснился, но на всякий случай предупредил:

– Мишок, если что – я тебе глаз высосу и не подавлюсь.

– Лишь бы тебе на пользу пошло, – сказал я.

– Чего это он? – спросил Ян, наруливая от гаражей.

– Седлом спину натерло, – я пожал плечами. – Или подковы новые жмут. Он все утро такой.

– Мужики! – взмолился Генаха. – С вами, конечно, весело, но я спать хочу. Говорите про меня что хотите, только на счет «поболтать» не приставайте, хорошо?

– Спи спокойно, друг, товарищ и лошадь! – я торжественно хлопнул его по плечу.

– Полный трындец! – Генаха тяжело вздохнул, поудобнее устроился на седушке и прикрыл глаза. Может, и правда заснул, а может, притворялся, чтобы мы не доставали его.

Некоторое время в салоне царила тишина. До тех пор, пока Ян не вывел машину за пределы промзоны. Здесь он отыскал меня глазами в зеркальце и спросил:

– Кого первого?

Вопрос, откровенно говоря, был несправедливый. Он содержал в себе целую гамму душевных переживаний, терзавших Литовца, пока тот решал, кому из друзей отдать предпочтение. Потому что и Генаха, и я жили в получасе езды от так-

сопарка, но Генаха – на севере, а я – на юго-западе. И, не выдержав напряженной борьбы между собственными полущариями, Ян позорно спасовал, переложив ответственность за принятие решения на меня. Сволочь.

Я, однако, долго думать не стал. Кавалерист так увлеченно сопел носом, что без подсказок было ясно – он сейчас нуждается в теплой кровати гораздо больше, чем я. Мне же, слегка поспавшему и даже встряхнувшемуся в моральной стычке с Макарецом, было относительно неплохо – перевозная бодрость, говорливость и прочие симптомы легкого перенапряжения организма. Я знал, что через час-полтора наступит реакция, и я засну прямо там, где буду находиться на тот момент. Но ведь час-полтора-то еще продержусь. Поэтому невыгодное для меня – в смысле порядка очередности – решение было принято легко и без колебаний:

– А давай Генаху сперва отвезем. Это он только с виду конь. А на деле даже на пони не тянет.

Ян, чьи душевные страдания я прекратил одной фразой, пустил машину в нужном направлении и засвистел что-то непонятное. Это было редкостной удачей для любого натуралиста – видеть его в таком состоянии. Обычно он свистлявостью не отличался. Чистый бамбук. Такая вот особенность загадочной прибалтийской души. Неприметный такой бамбук, затерявшийся в необъятных бамбуковых джунглях. Даже если отыщешь – ничего интересного в нем не найдешь. Строгий и безупречный, хоть и непонятный. Ну, неэмоцио-

нальное растение. Правда, порой он превращался в цветущий бамбук, но это случалось редко. Наверное, когда подарил какой-нибудь барышне свою невинность. Возможно, в день свадьбы. Очень может быть, когда жена наградила его первым сыном. Короче, цвел только в исключительных случаях. По пальцам пересчитать можно. Чуть чаще становился таким бамбуком, на который в древности богдыханы голым задом сажали преступников. Что с ними делалось посредством прорастания быстрорастущего дерева через прямую кишку в остальной организм, объяснять не нужно. Ян и не объяснял. Просто прорастал. Но в основном все же оставался обычным человекобамбуком. Неприметным и бесстрастным.

Генаха тихо и мирно испускал хриплые стоны посредством своего, хоть и не длинного, но потрясающе рельефного – вследствие двукратного перелома – носа; Ян увлеченно, как мышка, которая хочет, но не может по большому, тарасился вперед. Один я выбивался из общей картины своей бездеятельностью – просто сидел, откинувшись на спинку сиденья и сложив мозолистые руки на костлявые ляжки. Меня такой расклад не устраивал, и я решил посвятить свободное время анализу ситуации. В который раз за несколько часов, аналитик хренов. Но потребность в этом была чуть более чем острая. Если прежде ситуация выглядела довольно привлекательно, то некоторое время назад внезапно и решительно развернулась ко мне задом. Нужно было осознать но-

вое положение вещей и постараться найти пути обхода, как бы это помягче выразиться, ситуационной задницы.

То, что раньше выглядело лишь как гипотетическая вероятность, стремящаяся к нулю, вдруг стало реальностью – Четыре Глаза был изъят из обращения, словно рваный рубль. И хорошо, если временно. Неприятное предположение. И даже больше, чем предположение. Ночью я оказал ему посильную помощь, а оказалось, что это помогло, как мертвому – укол пенициллина. После неявки Четырехглазого к месту обмена документами вдруг возникло устойчивое ощущение, что ночная заварушка – всего лишь разминка перед гораздо более серьезной игрой. Предстояло найти коллегу, куда бы его не запрятали добры молодцы из «Колизея». Чего мне это будет стоить – другой вопрос, да и не важно. Четыре Глаза был моим другом, а друзей в беде не бросают. Но, полагаю, процесс обойдется недешево. Потому что дальнейшие переговоры вряд ли удастся провести при поддержке одной лишь монтировки. Похищение человека – это вам не соседу рога наставить. Наверняка они будут ждать ответных телодвижений, наверняка вытащат из заначек все огнестрельное, колюще-режущее, и даже, возможно, химическое с ракетно-стратегическим. Короче, поиски очень просто грозили вылиться в крестовый поход сквозь плотные вражеские ряды к телу Валерия Четыре Глаза. Я очень надеялся, что к тому времени, как этот поход закончится, тело еще будет дышать и даже немножко шевелиться. Еще больше я надеялся, что поход

удастся завершить.

Оставалась, правда, мизерная надежда, что Четыре Глаза тупо проспал восьмичасовое свидание. А его визави, скажем, превысили скорость и были остановлены сотрудниками ДПС. Но как-то очень уж слабо в эту возможность верилось. Однако я все-таки решил наведаться в таксопарк к восьми часам вечера, когда Четыре Глаза должен будет заступать на ночную вахту. Если его там и вечером не окажется... Ну что ж, тогда, по крайней мере, все станет предельно ясно. А пока на душе, которую я снова разбередил попыткой анализа, было очень неуютно.

– Приехали, – сообщил Ян.

Я вздрогнул и вывалился из собственных мыслей в грубую явь. Мы действительно стояли подле девятиэтажки Кавалериста. Пришла пора оборвать его сладкий сон. И я не без удовольствия (хоть как-то развлекусь, натурально) толкнул коллегу в бок. Ноль эмоций. Я толкнул сильнее. Кавалерист слегка сполз на сторону, всхрипнул, но просыпаться все равно не пожелал. Тогда я ущипнул его за расслабленную ляжку и гаркнул в самое ухо:

– Ваш билетик, гражданин!

Это подействовало. Это всегда действует. Генаха задергал руками и ногами, в полном непонимании происходящего вытаращился на меня, потом задрожал побелевшими губами и оскорбил:

– Мишок, паскуда! Ты чего мне в самое ухо орешь?

– А чего ты с первого раза не просыпаешься?

– Когда хочу, тогда и просыпаюсь!

– Куда хочу, туда и ору.

На эту попытку уладить дело полюбовно Генаха засунул в нос палец ровно до половины – гадом буду – и глубокомысленно изрек:

– Твое, Мишок, счастье, что я сонный. А то бы я тебя побил.

– Меня бить нельзя, – с глубоким внутренним убеждением возразил я. – Тебе грин пис этого не простит. Потому что я эндемик. Меня больше нигде в мире не водится.

Генаха вынул палец из носа, покрутил им у виска, потом вжикнул молнией на куртке, загоня собачку под самый подбородок и попрощался:

– Пока.

– Пока, – кивнул Ян.

– Покее видали, – кивнул и я.

Кавалерист выбрался из машины. На улице, видимо, все еще беспредельничал зверский мороз, потому что Генаха сразу нахлобучил на голову капюшон. Слегка постоял, сплюнул себе под ноги – затрещит? не затрещит? – потом сунул в рот сигарету и, не прикуривая, пошел к подъезду.

Ян проводил его взглядом и спросил:

– Ну что? К тебе?

– Можно и к тебе, – я пожал плечами.

– А что у меня делать? – удивился он.

– Вот и я думаю – что у тебя делать? Жена, детишек двое. Орут, под ногами путаются. Нет уж, давай ко мне. У меня, кроме тараканов, никого нет, а я к ним привык.

Литовец кивнул. Собственно, другого он и не ожидал, но мое дурацкое предложение отправиться к нему слегка выбило напарника из колеи.

А пока он накручивал баранку, я мог со спокойной совестью подвести итог своим размышлениям на тему «как выжить в большом городе, если ты все время ищешь приключений на задницу». Собственно, первая часть фразы касалась не меня, а Четырехглазого. Потому что это он пропал в неизвестном направлении. И еще потому, что он совершенно не был приспособлен к участию в разного рода заварушках и хипешах. Я вообще подозреваю, что он в детстве даже крылышки мухам не обрывал – из жалости. Хотя это, конечно, из области фантастики. Единственной привычкой, которую можно было с определенной натяжкой назвать плевком обществу – это то, что, выходя на линию, он с завидным упорством повязывал себе на шею красный пионерский галстук. То ли для увеселения клиентов, то ли горло боялся застудить – не знаю. И вот такой мягкий, как туалетная бумага, человек попал в серьезные неприятности.

И единственной его надеждой, получается, был я. Потому что кроме меня никто не знает, что, где, когда и во сколько. Жену с детишками – Четыре Глаза сам об этом обмолвился – он отправил к теще на блины. То есть, раньше, чем через

полторы-две недели домашние его не хватятся. На работе тоже. Влепят прогул, потом уволят за глаза, и думать забудут. Но я-то знал, что он не просто так испарился.

Больше того – я даже предполагал, в каком примерно направлении нужно начинать поиски. Правда, в этом направлении толпами маячили призраки вооруженных парней, которых нужно было либо победить (что нереально), либо перехитрить (что более достижимо). Конечно, дома у меня тоже скопился небольшой арсенал, собранный по случаю – то здесь, то там. Где за деньги, а где силой. Но все равно парней было слишком много. Даже на танке десять раз подумаешь, прежде чем поедешь войной воевать. Оставалась хитрость.

– Твоя остановка, Мишок, – сказал Ян.

– Слушай, Литовец. Дело есть на сто пятьдесят миллионов. Ты сегодня, когда машину в гараж погонишь, за мной заскочи. Мне там к восьми нужно быть.

– Зачем?

– Пока ничего не скажу, потому что сам еще не во всем разобрался. В восемь часов все и прояснится.

– Заеду, – Ян пожал плечами. – Тачка казенная, бензин казенный. От меня не убудет.

Я кивнул и вылез из машины. Холод действительно стоял собачий. И, в отличие от Кавалериста, я был без куртки. Махнув на прощанье рукой, в несколько прыжков покрыл расстояние до подъезда и оказался в относительном тепле.

Ну что ж. В восемь часов станет окончательно ясно, война

это или не война. В любом случае я решил, что нужно спуститься в подвал и откопать тайничок с оружием.

Это, конечно, крайность. Давненько я себе такого не позволял. Просто потому, что родная милиция не любит, когда обычные граждане шарахаются по улицам в вооруженном виде. Причем, не любит – это еще мягко сказано. Если быть более точным – она борется с этим проявлением свободлюбивого нрава русского народа всеми доступными способами. А мне отнюдь не нравится, когда со мной борются всеми доступными способами. Даже если это люди в сером и с погонами.

Но революционная ситуация назрела, да?

Глава 3

В подвал за оружием я так и не спустился. Как-то совсем забыл о то, что собирался это сделать. Что для меня, любителя и ценителя жанра, было более чем странно. Виной всему, видимо, неокончательная уверенность в том, что хипеш предстоит серьезный. Все могло еще обойтись вовсе без хипеша. А зачем в таком случае лишний раз светить тайник и рисковать угодить в лапы карательных органов с оружием в руках? Глупо и вовсе не обязательно. Так сказала подсознание и приказало сознанию забыть о походе к тайнику. Сознание взяло под козырек и благополучно забыло.

Ян заехал за мной, как я и просил, в начале восьмого. Выглядел довольно уныло – холода продолжались, народ все так же сидел по домам, пользоваться услугами такси никто не торопился. Выручка была, на радость Макареца – кот заплакал.

До его приезда я умудрился слегка поспать – часа по два на каждый глаз, – остальное время посвятил обжираловке, помойке себя, любимого и контрольному обмусоливанию ситуации. Правда, сколько не извращался мозгом, ничего путного из него не выжал, хотя очень старался. Даже додумался до такой полной идиотизма мысли, что и Четыре Глаза, и его оппоненты не проспали и не попали с утра в цепкие лапы правосудия, но просто перепутали день с вечером. Что было

совсем ни в какие ворота и означало бы только одно – начало массовой эпидемии слабоумия. Но массовые эпидемии слабоумия – они сродни призывам в армию, случаются только весной и осенью. За окном же всю хозяйничала зима. Так что я, даже выдумав сию мысль, не очень в нее поверил. На процент, не больше. Но, ради самоуважения, процент все же записал в актив – не зря ведь мозг напрягал.

Только Ян отвез меня в гараж, и я убедился, что сомнения относительно всеобщего разжижения мозгов испытывал не напрасно. Плакал мой процент. Колизеевцы там, судя по всему, не появлялись. Четыре Глаза – тоже. Его такси по прежнему сиротливо нависало над смотровой ямой. Макарец бегал по гаражу и глумливо плевался ядом, в красках расписывая, какие кары он приготовит прогульщику. Четыре Глаза, конечно, не я, но Макарецу, по большому счету, было все равно, кому подкладывать свинью. Я ему ничего объяснять не стал. Пока. Решил посмотреть, как будут развиваться события, и уже исходя из этого строить линию поведения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.